

ПАМЯТНИКИ ОТЕЧЕСТВА

Н А СТРАНИЦАХ выпущенного Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры сборника «Памятники Отечества» выступили писатель Леонид Леонов, академик Б. А. Рыбаков, член-корреспондент Академии наук СССР В. Л. Янин, Герой Советского Союза вице-адмирал Г. Н. Холодистов, народный художник СССР Е. В. Вучетич, главный архитектор Москвы М. В. Посохин, художник Н. А. Платов и другие известные люди. Сборник насыщен интереснейшими фактами, злободневными проблемами, взволнованными раздумьями, которые не могут не вызвать читательского отклика.

Тема книги органически близка атеистическому журналу, ибо пафос атеизма — действенная любовь к человеку и к земному миру, помимо которого нам ничего не дано, животворное восхищение этим миром, который прекрасен не только природой, но и тем, что создано руками бесчисленных поколений.

Заметки эти будут в значительной мере касаться Москвы; треть включенных в сборник статей либо целиком, либо частично посвящена нашей древней столице.

ЕСЛИ ПОПЫТАТЬСЯ разделить по основным группам все необозримое многообразие памятников старины, уцелевших до наших дней, в большинстве своем они распадаются на три главных категории: во-первых, церкви и монастыри; во-вторых, дворцы и усадьбы и, наконец, в-третьих, крепость, которая часто бывала одновременно и монастырем. Таким образом, большинство памятников древней истории и древней культуры по существу увековечивает память об отрицательных сторонах дореволюционной истории: о религиозном дурмане и церковном засилье; о классовом общественном устройстве, основанном на эксплуатации трудящихся масс, за счет которой и можно было народным захребетникам — от коронованных особ до провинциальных бар — воздвигать роскошные дворцы и усадьбы; о бесконечных войнах — неизбежном бедствии, происходящем из классовой природы общественного устройства.

Бесспорно, все эти церкви и монастыри, дворцы и усадьбы были созданы руками сотен тысяч трудовых людей. Бесспорно, в создании их смогли реализовать свою талантливость зодчие и мастера прошлого, в большинстве своем — выходцы из народа. И пусть вечно украшают просторы родной земли эти шедевры старинного искусства — и соборы, и дворцы. Речь идет о другом — о том, что в

Александр
ШАМАРО

РАЗДУМЬЯ
НАД КНИГОЙ

обширном мире памятников исторического прошлого, к глубокому сожалению, мало самых важных и самых священных для нас — памятников народного труда и быта минувших времен.

«...Мы должны дать прошлое Москвы, — пишет академик Б. А. Рыбаков в статье «Город — летопись жизни народа», — сохраняя не только церкви и княжеские дворцы, а и подлинную многовековую историю большого европейского города, принявшего за века сотни сел и деревень. При сносе деревянных изб в Зюзино, Медведкове, Беляеве, нам думается, надо бы оставлять для музейного показа одну-две избы на большой строительный район, чтобы потомки смогли оценить грандиозный размах нашего современного строительства» (стр. 89).

Эти мысли волнуют и В. Н. Иванова, первого заместителя председателя Президиума Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, статьей которого «Следуя заветам Ленина» открывается сборник:

«Среди памятников, которым уделяется пока еще мало внимания, — читаем мы в этой статье, — надо назвать памятники технического прогресса. Этот раздел истории материальной культуры, к сожалению, имеет мало энтузиастов. Еще не выработаны конкретные критерии оценки этих памятников. А ведь полуразрушенная «Монетка» в Свердловске, шахта с механизмами Ползунова имеют значение как для истории нашей науки, так и для воспитательной работы» (стр. 23).

Действительно, внимания этим памятникам мы уделяем прискорбно мало. Несколькими годами назад по журналистским делам побывал я в донецком городе Енакиеве, где находится один из старейших металлургических заводов. Почти каждый, с кем пришлось встретиться и беседовать, рассказывал о злосчастной судьбе самой старой в Донбассе домны, построенной еще в середине прошлого века. Одиноко и

«Памятники Отечества». М., изд-во «Современник», 1972, 253 стр., 10 000 экз., 2 руб. 22 коп.

беспризорно стояла она в степи близ города до того дня, когда ее разломали на металлолом. В этой истории была одна утешительная особенность — всеобщее, единодушное и весьма резкое осуждение происшедшего; чувствовалось, что после этого случая ничего подобного здесь уже больше не случится. Но, увы! — историческая домна была лишь в одном экземпляре.

В последние десятилетия немало сделано для сохранения памятников жизни и труда народных масс. Крестьянские избы и мельницы перевозят в музеи под открытым небом. В мемориальном заповеднике А. Н. Островского Щелыкове я видел полностью восстановленную избу крестьянина Соболева, с которым был дружен писатель. Но все это, конечно, лишь первые шаги, хочется поскорее видеть музей-заповедник народного труда и народного быта. Почему бы, например, в русских городах, название которых увековечил один из древних промыслов — добыча соли (Соликамск, Солигалич и Сольвычегодск) — не воссоздать старинные соляные варницы? Почему бы в городах Урала не возродить старинный рудник и старинную домну, а в Воронеже — верфь Петра I?..

ЖИЗНЬ ВСЕ ЖЕ сохранила для нас образ далекого прошлого — панораму труда и быта наших безвестных пращуров, панораму древнего города, в котором их жизнь протекала. Прошлое улиц и площадей, набережных и переулков смотрит на нас со скромных, стандартных табличек, прикрепленных к стенам угловых зданий. Накладываясь на картины современного города, эти названия создают волнующее ощущение глубокой исторической перспективы, ощущение гигантского народного труда, сотворившего наш великий город...

«Город — это не только то место, где мы живем, не только густоту сооружений и дорог, — пишет академик Б. А. Рыбаков, — город — это священная история народа, отраженная в названиях урочищ, улиц, районов, сохраненная в его архитектурном облике». (стр. 85).

Вдумайтесь в исконную московскую топонимику¹, и она заставит заиграть вашу фантазию...

Вы увидите холмистые просторы первозданного леса, прорезанного причудливым сплетением рек и оврагов, с заболоченными низинами и густотравными лугами.

Вы увидите изначальный труд горстки наших далеких предков — княжеских хлебопашцев и охотников, прорубавших просеки, расчищавших поляны и пустоши для изб, косивших сено на заливных лугах, копавших колодцы.

Вы увидите потом город трудолюбивых и искусных ремесленников — универсальный хозяйственный комплекс, производивший все — от горшка и тулупа до пушки и сабли. Небольшая территория, стянутая обручем Земляного вала — Садового кольца, была плотно застроена отдельными цехами этого средневекового ремесленного комбината; что ни квартал — то новый цех... У столицы первого в мире государства рабочих и крестьян — прекрасная трудовая родословная, которой можно только гордиться. Настоящий Город мастеров!

Да, эти привычные, почти не замечаемые таблички — своеобразные исторические документы народного прошлого и нашей великой гордости за него. И очень жаль, что в тех случаях, когда такая топонимика заменена в наше время новыми наименованиями, мы не удосуживаемся прикреплять рядом напоминание о прежнем названии и лаконичное пояснение его смысла. Ибо назва-

ния улиц или площадей — тоже памятники истории и культуры. Церковь, живя за счет мастеровых людей, не вписала их «холопских» имен в книги вечного поминовения; летописи, в подавляющем большинстве своем составлявшиеся в монастырских кельях, не сохранили нам почти ни одного их имени. В этой топонимике их земное бессмертие. И не будем поспешно и с легким сердцем стирать память о наших пращурах-работягах со стен наших домов. Тем более, что в течение веков эта топонимика постоянно подвергалась натиску со стороны топонимике совсем иного рода — религиозно-церковной и собственности (по фамилиям, званиям или титулам богатых домовладельцев).

Общая закономерность развития национальной культуры, в русле которой текут два противоборствующих потока — культура народная, демократическая, прогрессивная и культура господствующих, эксплуататорских классов и верной их союзницы, церкви, — своеобразно проявилась и в этой скромной области — области московской топонимике.

Стихия религиозно-церковных наименований стирала топонимическую память об исконном ландшафте древнего города и о трудовой Москве. Например, Лужницкая слобода стала называться Тихвинскими переулками в честь построенной там церкви Тихвинской божьей матери, Котельников переулком у Чистых прудов стал Архангельским в честь церкви архангела Гавриила, Копьевский переулок, пересекавший поселение копейных мастеров, стал Спасским, а улица Рождественка в самом центре города поглотила Пушечный переулок (на месте старинной военной мастерской — Пушечного двора).

Но топонимика демократическая, топонимика народного труда и быта, запечатлевшая исторические судьбы и Москвы, и Руси, активно сопротивлялась этому натиску. Наименования религиозно-церковные нередко отвергались московским просторечием и выветривались. Малые Каменщики так и не стали Спасской улицей, Серебреннический переулок неподалеку от Яузского устья (здесь были Монетный двор и слобода серебряных мастеров) не стал Троицким, Палашевский (здесь жили когда-то мастера, ковавшие палаши и другое холодное оружие) — Рождественским, Толмачевский в Замоскворечье (здесь жили переводчики, необходимые для переговоров с золотоордынскими послами) — Никольским. Барашевский (барашами называли мастеров, изготовлявших походные шатры для войска) — Воскресенским².

К великому переломному рубежу 1917 года Москва подошла примерно с восьмью сотнями топонимических наименований, около половины которых составляла топонимика религиозно-церковная и домовладческая. Новая эпоха с первых же дней стала вести своеобразную топонимическую летопись, нанося новые надписи на географические карты и городские планы, в том числе и на план древней Москвы. То, что было выброшено из жизни, — господство частной собственности в области экономической, господство религии и церкви в области духовной, — естественно, постепенно ис-

¹ Топонимика (от греческих слов «место» и «имя») — совокупность географических названий на определенной территории.

² Исторические объяснения взяты из справочника «Названия Московских улиц и переулков», составленного А. Мартыновым и изданного в 1888 году.

чезало с географических карт и городских планов. Топонимическая же память о труде и жизни народа в минувшие столетия должна быть нами сохранена, ибо рабочие и крестьяне, совершившие социалистическую революцию и построившие социалистическое общество, — поистине плоть от плоти и кровь от крови трудового народа минувших исторических эпох. Вот единственно верный, классовый критерий отношения к памяти о нашем историческом прошлом, существенной частью которого является топонимика. Поэтому всяческой поддержки заслуживает призыв академика Б. А. Рыбакова:

«...При переименовании улиц мы должны проявлять большой такт и глубочайшие знания, помня о своем долге перед потомками» (стр. 87).

Увы, в жизни случается по-другому. Приведу лишь один пример. Кропоткинская площадь излучает к юго-западу две старинных улицы — Метростроевскую (ранее — Остоженка) и Кропоткинскую (ранее — Пречистенка). То, что улица, по царскому указу названная Пречистенкой (в честь иконы «пречистой богородицы», хранившейся в Новодевичьем монастыре), получила имя выдающегося русского революционера, — это, разумеется, логично и справедливо. Но переименование Остоженки представляется лишенным оснований. Москва — город с многовековой историей: под теми самыми московскими лугами, где москвитяне сгребали в стога скошенное сено (отсюда и название урочища — Остожье), их далекие потомки проложили первую подземную магистраль. Так пусть сохраняются топонимические памятники и о косарях, и метростроевцах! Московский метрополитен протянулся уже на полтора километра, и в новых районах Москвы, которые он связал и с центром, и между собой, есть немало улиц, которые могли бы запечатлеть в своих названиях это грандиозное сооружение социалистической эпохи.

В СТАТЬЕ АКАДЕМИКА Б. А. РЫБАКОВА есть скользкие сказанные слова, которые затрагивают проблему чрезвычайно важную и принципиально новую — проблему, если можно так выразиться, «негативных» памятников.

«Памятником культуры, — пишет он, — являются... и рабочие казармы конца XIX века, и ночлежные дома вроде знаменитого «утюга», использованного в постановке «На дне» Горького Московским Художественным театром» (стр. 88).

И в самом деле. Если одним из средств коммунистического воспитания народа является правдивый, впечатляющий показ сметенных революционной бурей пороков и бед, несправедливости и позора дореволюционного прошлого, то в числе памятников истории должны занять законное место и те, которые со всей очевидностью свидетельствуют об этих сторонах прошлого. Таким образом, понятие исторической значимости, которое служит одним из основных критериев в определении ценности того или иного памятника, существенно расширяется. И охраняя ценные исторические памятники, мы не должны забывать, что с некоторыми из них связаны наиболее позорные страницы антинародной, антидемократической, контрреволюционной деятельности православной церкви. Это — очень важная историко-социальная и политическая грань всей нашей работы по сохранению и пропаганде исторического наследия прошлого.

Конечно, в сооружении многих храмов участвовали видные зодчие, вложены труд и талант народных умельцев. Но ведь история свидетельствует и о другом — о том, что и церкви, и мечети, и синагоги, и костелы всегда были идеологическими центрами, защищавшими власть имущих.

Покровский собор (храм Василия Блаженного) на Красной площади в Москве — звезда первой величины на небосклоне древнерусского зодчества. Но почему в рассказах о нем — и печатных, и устных — не напомнить о событиях предреволюционных и революционных лет, непосредственно связанных с этим знаменитым храмом?.. О том, что в годы первой мировой войны этот собор, в котором верховодил махровый монархист и реакционер протонерей Восторгов, стал гнездом шовинистической, погромной агитации, разожженной на «мощах» младенца Гавриила? О том, что в стенах этого собора готовился заговор против Советской власти, разоблаченный и пресеченный чекистами? Разумеется, собор Василия Блаженного — не единственный пример такого рода.

А помимо церквей? Б. А. Рыбаков упомянул об известном «утюге» (так был прозван за свою форму один из ночлежных домов на Хитровом рынке). На месте Хитровки выросли новые, многоэтажные дома, но последние ее строения следовало бы, наверное, сохранить в качестве памятников стародавней городской жизни.

В другом районе Москвы есть не менее интересный памятник — бывший «Ржанов дом» (или «Ржанова крепость») в Проточном переулке, который спускается от улицы Чайковского к Смоленской набережной Москвы-реки. Этот дом был в свое время одним из самых ужасных притонов нищеты. Лев Толстой, принимавший в 1882 году участие в переписи московского населения, обошел каморки и закоулки «Ржанова дома» (название он получил по фамилии владельца). Все, что он увидел и услышал там, потрясло его до глубины души и послужило толчком для создания статьи «Так что же нам делать?». Ныне это обычный жилой дом, вокруг него вздымаются огромные корпуса и маячат строительные краны, дом не отмечен никакой мемориальной доской. Сохранится ли он в ближайшие годы? Как решена его участь архитекторами-проектировщиками? А сохранить его — убежден в этом — нужно! Сохранить, отреставрировать и включить в ту воспитательную работу, которую мы ведем, используя памятники истории и культуры.

ЦЕЛЫЙ РАЗДЕЛ сборника «Памятники Отечества» посвящен мемориальным музеям и музеям-заповедникам, связанным с жизнью и творчеством крупнейших представителей русской культуры — А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. Н. Островского, Н. А. Некрасова, А. М. Горького, П. И. Чайковского. Семь имен, семь коротких статей, семь точек на карте России, которых не было в дореволюционное время, ибо все эти семь домов-музеев и заповедных уголков — частица целого мира народных святынь, сотворенного нашим народом лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

«Чем было Михайловское для Пушкина, для России, — пишет С. С. Гейченко, директор Пушкинского музея-заповедника, — хорошо понимали его друзья... Жуковский даже просил царя о сохранении в веках Михайловско-

го... «Высочайшего» согласия на это, как известно, не было дано...

Долгим, тернистым путем шло Михайловское к своей заповедности. Но только Великий Октябрь решил его судьбу» (стр. 197—198).

Николай I не дал «высочайшего» согласия на сохранение Михайловского; правнук его Николай II после кончины Льва Толстого не соизволил и слышать о приобретении государством Ясной Поляны и превращении ее в музей-заповедник. Такая же судьба была и у Карабихи Н. А. Некрасова, и у Щелыкова А. Н. Островского, и у Спасского-Лутвинова И. С. Тургенева.

Тема эта чрезвычайно важна и актуальна, и о ней хотелось бы поговорить особо.

Быть может, своеобразным свидетельством огромных завоеваний социалистической революции является восприятие их современными людьми как чего-то само собою разумеющегося. Явление, психологически вполне объяснимое, но, безусловно, ни в коей мере не оправданное. Да, целый мир памятников отечественной истории и национальной культуры, их прекрасное состояние, благодаря многомиллионным затратам из государственной казны, их доступность для каждого из нас — все это воспринимается как некая будничность, обычность.

Но ведь еще немногим более полувека назад ничего этого не было. Ни неоглядного мира мемориальных музеев и историко-культурных заповедников, ни щедрого государственного попечения о них, ни доступности их для всех и каждого.

Остановимся на одном из наиболее популярных музеев-заповедников — усадьбе Спасское-Лутвиново в Орловской области, обратимся к его дореволюционной судьбе, типичной для многих других заповедных уголков Родины.

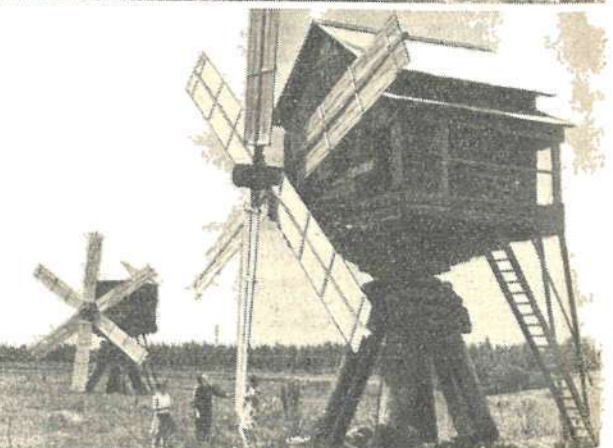
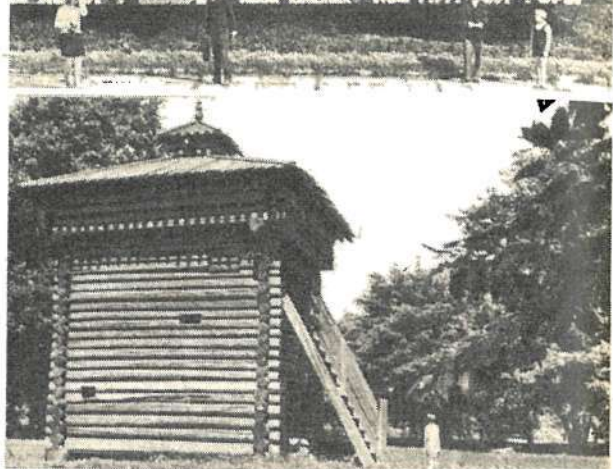
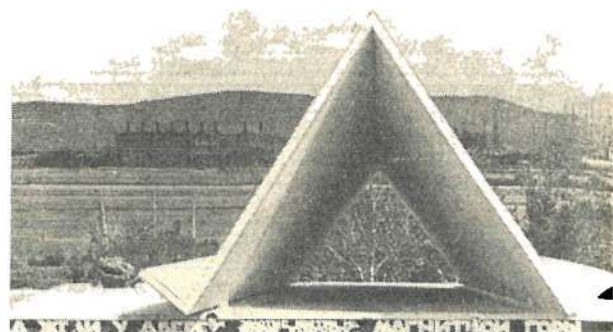
В «Памятниках Отечества» усадьбе посвящена статья архитектора и кандидата искусствоведения С. И. Федорова.

«Время многое не пощадило в старинной усадьбе, — пишет он. —...К числу утрат, которые перенесло Спасское-Лутвиново в прошлом, было уничтожение пожаром 1906 года того самого дома, который Тургенев описал Флоберу...» (стр. 227).

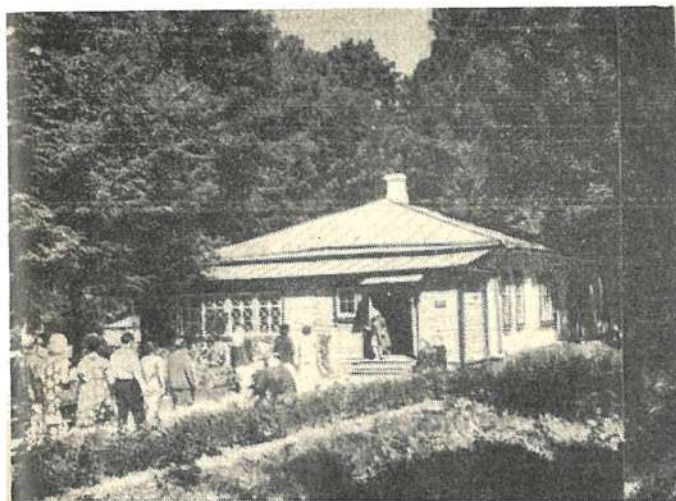
В последние два предреволюционные десятилетия на страницах многих столичных и губернских газет регулярно появлялись статьи и заметки, посвященные тургеневскому гнезду.

Во всех этих многочисленных статьях звучал безнадежно и безответно один и тот же грустный мотив: «Забятая усадьба», «Спасское умирает», «Тургеневское пепелище» — заголовки говорят сами за себя. Корреспонденции эти, рассыпанные по подшивкам дореволюционных газет, позволят нам совершить воображаемую поездку в Спасское-Лутвиново тех лет. Что открылось бы нашим глазам?

Мы увидели бы не бесконечно дорогой сердцу Тургенева уголок, а усадьбу «генеральши» Галаховой — супруги орловского вице-губернатора. Грозный привратник бесцеремонно задержал бы нас в воротах: «Не велено пущать!..» И только после унижительных просьб нас, может быть, пустили бы — под конвоем того же привратника — прогуляться по парку. Мы увидели бы заброшенный и обветшалый деревянный флигель, в котором жил Иван Сергеевич, и сквозь замутиренные пылью окна разглядели бы в его полупустых комнатах — с провалившимися полами и паутиной в углах — остатки мебели, остатки библиотеки... Мы узнали бы потом, что сразу же после смерти писателя новые владельцы усадьбы закрыли созданную им школу для крестьянских детей, и ее быстро прибрало к рукам епархиальное начальство, превратив в школу цер-

С ле ва — сверху вниз:

В Магнитогорске воздвигнут памятник в честь первых строителей Магнитки.

Угловая Башня Братского острога, возведенная в 1659 году на берегу Ангары, находится сейчас на территории московского музея-заповедника «Коломенское».

В музее «Коломенское» собраны интересные памятники русского деревянного зодчества. Сюда привезен из Архангельска домик Петра I (1702 год).

В Костроме у стен древнего Ипатьевского монастыря создан музей деревянного зодчества. Здесь собраны затейливые ветряные мельницы и другие памятники народного творчества, созданные талантливыми русскими мастерами. На с н и м к е: ветряные мельницы на столбах, построенные в прошлом веке.

Вверху: Спасское-Лутовиново — филиал Государственного литературно-мемориального музея И. С. Тургенева в Орле. Дуб, в тени которого любил отдыхать И. С. Тургенев. «...Когда вы будете в Спасском, поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу — родине поклонитесь...» — писал он из Франции.

Справа: мемориальный ансамбль в честь революционного подвига латышских стрелков (г. Рига).

В н и з у: «Ржанов дом».

ковноприходскую. Мы убедились бы в том, что имя Тургенева, книги его совершенно неведомы новым поколениям здешних крестьян, и лишь несколько ветхих стариков и старух еще хранят о нем полупрозрачную благодарную память.

«В парке есть особые пункты, связанные с воспоминаниями о Тургеневе,— писал, например, корреспондент газеты «Речь» в номере за 22 августа 1913 года. — Так называемые «два брата» — дерево, посаженное когда-то самим Иваном Сергеевичем... На коре ствола кругом бесчисленные надписи имен, фамилий, дат и сентенций, вырезанных почитателями писателя. Каждому почему-то хотелось вонзить острие своего перочинного ножичка в живое дерево Тургенева и увековечить на нем свое славное имя. Дерево обнесено загородной и с некоторых пор нынешняя владелица позволяет его резать только своим знакомым: вот группа каних-то гусар...ского полка почтила писателя своим рукоприкладством. Красное стыда и гнева покрывает лицо у каждого, кто воочию увидит это забытое и заброшенное пепелище, если только он любит родную литературу и ее создателей...»

Бесспорно, многим нашим современникам, читающим эти заметки, посчастливилось побывать в Спасском-Лутовинове. Ну, а тех, кому еще предстоит посетить тургеневское гнездо, я попросил бы не забыть только что прочитанной выписки, вспомнить о ней в гостеприимной усадьбе.

А может быть, научным сотрудникам музея-заповедника стоит подумать над тем, чтобы эти факты, эти свидетельства, эти давным-давно ушедшие в прошлое картины каким-то образом донести до ума и сердца бесчисленных посетителей усадьбы?.. И к такому совету, разумеется, хотелось бы привлечь внимание не только сотрудников и экскурсоводов Спасского-Лутовинова, но и других мемориальных уголков.

Судьбы таких памятников, как заповедная усадьба Спасское-Лутовиново, дают нам прекрасную возможность сделать их очагами не только эстетического, но социально-политического воспитания — воспитания патристической гордости за свершения социалистической эпохи. И хочется пожелать редакционному совету сборника «Памятники Отечества» и авторам статей в его последующих выпусках более ярко, убедительно, наглядно подчеркивать ту линию, которая в первом выпуске была намечена лишь пунктирно.

К СОЖАЛЕНИЮ, сборник «Памятники Отечества» дает повод и для критических замечаний.

Сборник завершает библиографическая заметка кандидата филологических наук Е. И. Осетрова «Похвала путешествующим», посвященная серии брошюр о памятниках русской культуры, которые начало выпускать Общество охраны памятников.

«Одной из удачных книг серии, если не самой удачной,— утверждает Е. И. Осетров,— надо считать работу С. Семанова «Памятник Тысячелетие России в Новгороде» (стр. 242).

Не говоря уже о том, что подобная похвала едва ли уместна на страницах сборника, выпущенного редакционным советом, в состав которого входит автор брошюры, такой похвалы удостоившийся, следует сказать, что книжка С. Семанова отягощена серьезными идейными ошибками, за что и была подвергнута острой и обоснованной критике в нашей печати. В частности, подчеркивалось, что автор брошюры не занял диалектической, проникнутой историзмом позиции. Отбор исторических фигур

для памятника носил строго выдержанный, тенденциозный характер и выражал не столько «гражданские убеждения» самого скульптора, сколько требования официальной идеологии русского царизма в духе триединой формулы «самодержавие, православие и народность».

Нашему журналу уже приходилось ранее выступать с критикой ошибочной оценки этого, бесспорно, интересного и значительного памятника — против путаных, антиисторических рассуждений, ему посвященных (см. № 3 за 1971 г.).

В сборнике «Памятники Отечества» опубликован очерк С. Семанова «Возрожденный из руин», представляющий собою, как верно определил его Е. И. Осетров, «краткое изложение» брошюры того же автора.

«Не так ли были несокрушимы, не так ли едины со своей землей солдаты России на холмах Бородина и Севастополя, на фортах Порт-Артура и Бреста, у стен Ленинграда и Сталинграда?..» — восклицает автор, взвизывая на массивный, тяжелый памятник со множеством плотно сдвинутых фигур (стр. 54).

«Да, памятник массивен и тяжел, как тяжёлые были кони у витязей богатырской заставы, — развивает далее он мысль, которая идейно-эмоциональным стержнем пронизывает весь очерк, — ...как тяжёлая мерная поступь суворовских и кутузовских чудо-богатырей...»

Пластический образ памятника выразителен и точен. Это образ великого народа, неодолимого и несокрушимого» (стр. 54 — 55).

Как сумел С. Семанов увидеть в этом памятнике, который А. И. Герцен называл «преднамеренным искажением истории по высочайшему повелению», монументальный образ русского народа с его тысячелетней историей — трудно себе представить. Он гремит витязей-богатырями древнерусских дружин и солдатами, сражавшимися на поле Бородина и в севастопольских окопах, слышит тяжёлую мерную «поступь суворовских и кутузовских чудо-богатырей», созерцая памятник, на котором нет ни древнерусского ратника, ни русского солдата, ни русского крестьянина. Простолудин на бронзовый колокол не пустили. Исключение сделано для Ермака и Ивана Сусанина. Но и они как бы включены в царскую свиту, первый — в свиту Ивана Грозного (на груди Ермака изображена медаль с именем этого царя), второй — в свиту Михаила Романова. Ну, конечно, и Ломоносова уж никак нельзя было обойти... Символическая фигура России хотя одета в сарафан, но... поверх него наброшена царская горностаевая мантия.

Бесспорно, большинство фигур, изображенных на этом памятнике, современные поколения русского народа никак не могут назвать, говоря словами С. Семанова, своими «великими прадедами... которые тысячу лет строили и защищали Россию» (стр. 55).

СБОРНИК «ПАМЯТНИКИ ОТЕЧЕСТВА» — примечательная веха в нашей общественной жизни: он подводит определенный итог деятельности Общества охраны памятников истории и культуры, в создании которого нашел свое выражение глубокий, живой, повсеместный интерес советских людей к отечественной истории и родной культуре (ныне Общество объединяет свыше семи миллионов членов). Первый сборник, выпущенный Обществом, — это и рассказ о достижениях, это и постановка острых, актуальных проблем.